

Питер П. Николсон

ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК МОРАЛЬНЫЙ ИДЕАЛ¹

ВВЕДЕНИЕ

В последних спорах по поводу толерантности меня поразили два главных расхождения². Во-первых, одни ищут морально нейтральное ее описание, в то время как другие трактуют толерантность как моральный идеал. Во-вторых, одни рассматривают ее как феномен, весьма нуждающийся в оправдании и оправдываемый только как меньшее из двух зол, для других же она либо сама есть благо, либо неотделима от такового. Очевидно, что здесь имеются действительно глубокие противоречия. Я не надеюсь на их разрешение здесь. Моей целью будет лишь исследование знакомого идеала толерантности, широко распространенного в нашем обществе, как бы неполно он не реализовывался на практике, и после проговаривания его оснований и следствий, разработка более полного описания. Вместе с тем я защищаю тезис, что хотя в толерантности и имеются две разные стороны, они необходимо связаны — нет

¹ Перевод с английского осуществлен по изданию: *Nicholson P. P. Toleration as a Moral Ideal // Aspects of Toleration. Philosophical Studies / Ed. by J. Horton and S. Mendus. L; N.Y., 1985. P. 158–173.* Перевод и публикация разрешены автором и издателем.

² Этот спор отражен в *Government and Opposition* (1971, №6). Основные статьи написаны Бернардом Криком (Bernard Crick) — *Toleration and tolerance in theory and practice* и Престоном Кингом (Preston King) — *The problem of tolerance*. К ним присоединены и несколько более короткие комментарии и статьи: Maurice Cranston. *Crick on toleration*; Ernest Gellner. *The dangers of tolerance*; Peter Leslett. *Political theory and political science research*; Steven Lukes. *Social and moral tolerance*; D. D. Raphael. *Toleration, choice and liberty* и Alan Ryan. *The open society and utility*. Крик перепечатал эту статью в своем сборнике *Political Theory and Practice* (1972), а Кинг ввел свою в первую главу книги *Toleration* (1976). Поскольку я редко ссылаюсь на эти исследования и то обычно для того, чтобы выразить свое несогласие с ними, мне хотелось бы акцентировать здесь то, что мне действительно было полезно их чтение, и я не колебался их использовать.

«двух концепций толерантности». Это важно проговорить, поскольку результаты моего анализа толерантности порождают искушение построить некое разделение между ее негативными и позитивными концепциями в параллель к негативным и позитивным концепциям свободы. Мне кажется заблуждением деление свободы на негативную и позитивную, поскольку оно искажает понимание прежде всего позитивной свободы и препятствует исследованию действительного ее единства, но я не хочу здесь доказывать этого. Тем не менее я намерен доказать то, что нет двух концепций толерантности. Я утверждаю, что толерантность, понятая как моральный идеал, имеет и негативную сторону, уже хорошо известную, и позитивный аспект, исследованный в гораздо меньшей степени, а также то, что ее полную моральную силу можно постичь, только если рассматривать эти две стороны в их единстве.

ТЕРМИНОЛОГИЯ

В английском языке имеются три слова: «*toleration*», «*tolerance*» и «*tolerationism*». Некоторые авторы пытались развести их так, чтобы они относились к разным аспектам толерантности. Я не нашел здесь единства мнений или предположений, релевантных рассматриваемой мною области. К примеру, Крик (Crick) предлагает обозначать словом «*tolerance*» действие или практику толерантности, а термином «*toleration*» — учение о ее необходимости, отмечая при этом историческое предшествование «*tolerance*». Тем не менее мне кажется, что в обыденном словоупотреблении «*toleration*» как раз и означает действие толерантности (либо некоторую склонность к тому, чтобы быть толерантным). При этом легко отделить его от доктрины толерантности без введения каких-либо дополнительных терминов. Тем более, как это показывает Рафаэль (Raphael), если возникает необходимость в использовании такого дополнительного термина для этого вполне подходит слово *tolerationism*.

Я придерживаюсь термина *toleration* и производных от него форм *tolerate* («относиться толерантно»), *tolerant* («толерантный») и *tolerator* («субъект толерантности»). Я не употребляю термина *tolerance*. Статьи оксфордского словаря при толковании *toleration* и *tolerance* в некоторых моментах пересекаются. Там же, где они расходятся, я предпочитаю использовать термин *toleration*, а не *tolerance*. Так, Рафаэль пишет, что *tolerance* «чаще используется ... если хотят говорить о чисто

физической или пассивной выносливости или сопротивляемости» (на это различие указывает и Кинг, но он считает, что на него можно не обращать внимания). Но то, о чем стану говорить я, не имеет никакого отношения к пассивной выносливости. Кроме того, Крик зачастую использует *tolerance* для обозначения способности общества выдерживать разногласия: это употребление сознательно смоделировано им по одному из значений *tolerance* в оксфордском словаре — как «допустимого набора отклонений» в весе монет либо в размерах механизма или его частей. Смысл этого уподобления, я полагаю, состоит в том, что подобно тому, как механизм с несоответствующим поршнем не станет функционировать, так и общество, допускающее чрезмерные отклонения от своих норм и практик, не выживет как общество. Конечно, имеется много весьма интересных вопросов о *tolerance*, о том, сколь глубокое разногласие, распрю или конфликт могут на деле терпеть (выдерживать) общества; но ответ на них требует привлечения методов социологии, что выходит за рамки этой статьи.

Толерантность (*toleration*) может практиковаться индивидами либо группами индивидов. В своей частной жизни толерантными могут быть мужчины и женщины, а на общественном уровне — общества, другие социальные группы, правительства или государства. Я ограничиваю обсуждение проблемой политической толерантности, т. е. толерантности правительств и государств, выражающейся через конституции, постановления, правила или политику, по отношению к мнениям и действиям индивидов и групп, находящихся в их юрисдикции или власти.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Как же тогда определить «толерантность» как моральный идеал? Основными ее характеристиками, большинство из которых обычно упоминается при анализе, являются следующие:

1. *Отклонение*. То, к чему относятся толерантно, отклоняется от того, о чем субъект толерантности думает как о должном, либо от того, что он делает как должное.

2. *Важность*. Предмет отклонения не тривиален.

3. *Несогласие*. Толерантный субъект морально не согласен с отклонением.

4. *Власть*. Субъект толерантности обладает властью, необходимой для попытки подавить предмет толерантности (или, по крайней мере, воспротивиться либо помешать ему).

5. *Не-отторжение*. Тем не менее толерантный субъект не применяет своей силы, позволяя тем самым существовать отклонению. (Я предпочитаю говорить здесь именно скорее о не-отторжении, чем об обычно используемом «принятии».)

6. *Благость*. Толерантность верна, а толерантный субъект благ.

Некоторые из этих характеристик требуют пояснения. Иногда к «несогласию» добавляют «неприязнь» (*dislike*), и первое при этом понимается как базирующееся на моральных основаниях, а последняя — как вне-моральное и вне-рациональное чувство. Так, например, Крэнстон утверждает, что пока мы не включим в определение толерантности «неприязнь», нам не разобраться с проблемой расовых предрассудков. Добавление этой характеристики может оказаться достаточно важным для исторического и социологического изучения толерантности, когда «толерантность» понимается как описательный термин. Тем не менее определение толерантности как морального идеала не должно включать в себя «неприязнь». Рафаэль верно указывает, что нам следует рассматривать моральный идеал толерантности только в терминах несогласия, т. е. с точки зрения вынесения суждения, по поводу которого возможна моральная аргументация. Толерантность есть дело морального выбора, к которому не имеют отношения наши вкусы или склонности. Несомненно, что предрассудки людей, а также их определяемые обстоятельствами чувства приязни или неприязни необходимо принимать в расчет при попытке объяснить причины их толерантности или нетерпимости, но такие чувства не основаны на морали, а потому не могут быть основой моральной позиции.

Существует широкое согласие исследователей относительно того факта, что власть является необходимым условием проявления толерантности. Конечно, человек, не обладающий властью, может быть толерантным в смысле обладания предрасположенностью к толерантности или верою в нее в том случае, если он проявлял бы толерантность, будь у него власть. Фактически, в политике у каждого имеется, по крайней мере, хоть какая-то власть. Даже если правительство распоряжается о том, чтобы к конкретному мнению или действию относились толерантно или нетолерантно, во власти каждого человека решать, станет ли он с энтузиазмом поддерживать и выполнять этот закон либо нарочно будет избегать и нарушать его. Он в определенных пределах вполне может быть интолерантным там, где закон повелевает ему быть толерантным, и толерант-

ным, где предписывается интолерантность; а если значительное количество граждан отказывается от выполнения и применения этого закона, власть может значительно ослабеть. Власть, а значит и толерантность, разделена между правительствами и гражданами. Это тем не менее не оказывает влияния на то основное положение, что именно власть является предварительным условием избрания не-отторжения. Следовательно, строго говоря, не может быть толерантности к мнениям, но только к выражению мнений, так как лишь последнее люди властны отвергнуть или принять.

Шестая, наиболее спорная характеристика, является и очень сложной. «Толерантность» есть слово из нашего морального словаря. Она — моральная концепция не просто в том смысле, что применима к моральным действиям, как, например, «ответственность», но и в том гораздо более узком значении, что, как и «смелость», она является добродетелью. Толерантность как моральный идеал не может быть ценностно-нейтральной, а потому ее следует отделять от описательной концепции толерантности, которая может и должна быть таковой. Кинг, а иногда и Крик описательно определяют толерантность и интолерантность, говоря, что «сами по себе они ни добро, ни зло», разумея под этим, что люди могут толерантно относиться к тому, к чему должны быть интолерантны, и что им подчас не удастся проявлять толерантность там, где это следует делать. Люкс вносит здесь уточнения на том основании, что поскольку описывается именно ценность, описательная концепция толерантности не может быть свободной от ценностного подхода. Толерантный субъект утверждает, что его несогласие морально оправдано и что у него есть право действовать исходя из этого, если он хочет: он не просто обладает властью, но и силой применить ее. Далее Люкс утверждает, что характеристика субъекта как толерантного обычно понимается как подтверждение его права отдавать приказы. Тем не менее, даже с точки зрения Люкса, «толерантность» является описательной или социологической концепцией. Его теория соединяет ценности, которых придерживается человек, с тем, к чему он проявляет толерантность, но сама она остается ценностно-нейтральной, поскольку рассматривает все ценности как равно легитимные. Моральные представления и соответствующая им толерантность зависят от контекстуально заданных норм. Необходимо социологически объяснять, но не осуждать различия между ценностями и тем, к чему относятся толерантно. Я не рассуждаю здесь о достоин-

ствах концепции Люкса, но лишь привожу его доводы с тем, чтобы различить описательную и моральную концепции толерантности. Стоит подчеркнуть два таких различия. Во-первых, тогда как для Люкса морально верное зависит от социального контекста, моральный идеал ставит вопрос о том, правильны ли моральные представления общества либо его части. Во-вторых, в то время как, по Люксу, имеется право не быть толерантным, право, от которого субъект толерантности отказывается, а значит, нет права быть терпимым, согласно моральному идеалу, толерантность есть обязанность, и нет права не быть толерантным, но может иметься право на толерантное отношение к себе.

Суммируя все вышесказанное, толерантность есть добродетель воздержания от употребления силы для вмешательства во мнение или действия другого, хотя бы они и отклонялись в чем-то важном от мнения или действия субъекта толерантности и последний морально не был бы согласен с ними. Противоположностью толерантности является интолерантность. Это может показаться слишком очевидным для упоминания, но Крик, например, пишет, что противоположностью толерантности является безразличие, а противоположностью интолерантности — полное согласие. Но верно, что там, где есть интолерантность или согласие, не возникает вопроса о толерантности, ведь они не отвечают второй или третьей характеристике толерантности либо же им обеим вместе взятым. Тем не менее когда выполняются все условия, интолерантность предстает как противоположный толерантности ответ: она есть порок употребления силы для вмешательства во мнения или действия, которые отклоняются от собственных мнений или действий субъекта и с которыми он морально не согласен.

Центральным положением моей концепции является утверждение, что толерантность есть благо. Не все согласны с этим. Некоторые считают, что толерантность может быть благом, а может и не быть, в зависимости от обстоятельств. Другие же, считающие ее — всегда либо только в некоторых случаях — благом, не согласны между собой в определении тех причин, почему она есть такое благо. Следующий раздел рассматривает одну линию рассуждений о благодати толерантности. В сущности, он представляет аргументы против отказа от толерантности. Толерантность предпочтительна по причине весомости рассуждений против интолерантности. Поэтому я называю эту линию негативным аргументом в пользу толерантности: это —

негативная ее сторона. Затем будут представлены позитивные аргументы в пользу толерантности, прямо дающие основания для нее самой. Далее делается попытка показать, как объединяются эти две линии аргументов. Здесь рассматривается вопрос о том, сокращает или нет толерантное поведение чью-либо свободу. Наконец, я исследую границы толерантности.

НЕГАТИВНЫЙ АРГУМЕНТ В ПОЛЬЗУ ТОЛЕРАНТНОСТИ

Субъект толерантности сталкивается с мнением или действием, которые он считает неправильными. И он не только отвергает их для себя, но и полагает, что для любого человека неверно будет придерживаться этого мнения либо действовать таким образом. Так как мнение или действие неправильны, здесь скрыто предположение, что было бы верно подавить одно и предотвратить другое с тем, чтобы воспрепятствовать распространению неверных идей либо воспрепятствовать неправильным делам. Каковы аргументы для воздержания от этого и для проявления толерантности? Часто предлагаются следующие негативные основания.

Во-первых, уничтожение неправильного может оказаться слишком дорогим с точки зрения материальной стоимости или моральных ценностей. Преследования религиозных или политических идеологий могут подорвать экономику и дестабилизировать политическую систему. Законы, объявляющие преступлением некоторые сексуальные действия либо принятие наркотиков, не могут быть осуществлены без значительного посягательства на частную жизнь. Искоренение зла проституции может вызвать большее сексуальное насилие над женщиной, что хуже. Если людей не допускают к тому, в чем они ощущают сильную потребность, например, к алкоголю или порнографии, имеется опасность, что другие предпримут шаги для незаконного удовлетворения их нужд, что влечет за собой рост организованной преступности. Система контроля должна дать какой-то личности или органу власть выносить решения о том, к чему можно относиться толерантно, а к чему нет, что неизбежно влечет за собой риск ошибок, некомпетентности и злоупотребления властью.

Во-вторых, на практике может оказаться очень трудным искоренить мнение или остановить действие. Если цель заключается именно в этом, то более эффективным методом здесь будет толерантное отношение при одновременной борьбе с ними.

Вместо того чтобы загнать их в подполье, где они могут сохраняться в неизвестности либо стать популярными из-за дурной славы, будет лучше открыто противостоять им, убеждая людей, что такое мнение следует отвергнуть, а от этого действия воздержаться.

В-третьих, можно доказать, что верования и мотивы в любом случае находятся вне досягаемости для закона. Правительства могут принудить людей исповедывать ту или иную веру, но не принять ее и не отказаться от своих действительных представлений; они могут заставить людей действовать тем или иным образом, но не могут принудить их делать это по должным мотивам.

Таким образом, следуя негативной линии рассуждения, не быть толерантным оказывается слишком дорого, неэффективно, а в некотором отношении и попросту невозможно. Наконец, можно перевернуть этот вопрос и спросить: если проблемные мнения и действия социально не являются опасными, то какова причина *не* быть к ним толерантным?

Рассматривая проблему с негативной стороны, толерантность делает то, что вы не хотите делать, а именно позволять существовать неправильным мнениям и действиям, потому что вы желаете интолерантности в еще меньшей степени. С этой стороны толерантность действительно, как полагает Кинг, есть упорядочение приоритетов (*the ordering of priorities*), благоразумный расчет (Барбер), «паллиатив для перенаселенной и слишком жаркой планеты» (Фостер)³. Позаимствуем два примера у Кинга: можно толерантно относиться к спорной религии в своей собственной стране, чтобы установить модель для толерантного отношения к своей собственной религии в других местах, либо можно толерантно относиться к коммунистам, поскольку для их уничтожения потребуется слишком много фундаментальных и потенциально опасных изменений в конституции. Но с этой точки зрения все зависит, так сказать, только от чьих-либо приоритетов: и если бы они были иными, а нежелательную религию или коммунистов можно было бы уничтожить без побочных эффектов, их бы искоренили. Подобным же образом не нужно было бы

³ *Barber B. R. Superman and Common Men: Freedom, Anarchy and the Revolution. Harmondsworth, 1972. Ch.4; Forster E. M. Tolerance// Two Cheers for Democracy. L. 1951.*

толерантно относиться к мнениям и действиям любого легко идентифицируемого меньшинства, являющегося небольшим, экономически несущественным и не обладающим властью. Но, конечно, толерантность есть что-то большее. И что же она такое, становится ясно, когда мы обращаемся к позитивному аргументу.

ПОЗИТИВНЫЙ АРГУМЕНТ В ПОЛЬЗУ ТОЛЕРАНТНОСТИ

Положительная сторона толерантности открывает нам другую перспективу. Если толерантность — благо и в ее пользу можно выдвинуть положительные обоснования, нет нужды мыслить ее как что-то такое, чего мы не хотим делать. Но как можно доказать, что толерантность — благо? Здесь имеются две линии рассуждений, в зависимости от того, считаем ли мы толерантность инструментальным благом или слагаемым более широкого блага либо рассматриваем ее как нечто внутренне благое.

На первый взгляд, толерантность есть благо, поскольку она — необходимое средство или условие внутренне благого, т. е. слагаемое блага. Таким благом могут быть свобода, справедливость, цивилизация, истина либо же некоторое их сочетание. Например, Рафаэль пишет, что толерантность обладает положительной ценностью, поскольку служит свободе. Он защищает толерантность, потому что она допускает свободу, и защищает свободу, потому что она дает людям возможность делать то, что они сами для себя избирают. Роулз трактует толерантность как часть справедливости, и потому принципы справедливости дают нам аргументы в ее пользу. Все имеют равное право на толерантность: никто не может требовать ее для своих мнений и действий, посправедливости отрицая при этом ее распространение на прочих людей⁴. Другие, как, например, Дж. С. Милль, защищают толерантность, поскольку считают ее необходимой для прогресса человечества, для технического и морального развития цивилизации. Каждый из этих исследователей рассматривает толерантность с положительной стороны, поскольку прямо приводит основания в ее пользу. Тем не менее все они ограничены тем, что сводят толерантность к частному

⁴ Rawls J. A Theory of Justice. Oxford, 1972. Sect. 34.

случаю или разновидности какой-то другой ценности. Им не удается понять ее как отдельный моральный идеал и оценить ее собственное моральное значение.

Значительно более сильным позитивным аргументом является вторая точка зрения, согласно которой толерантность есть определенное благо. Человек учится и получает воспитание, воспринимая требование внимательно относиться к идеям других людей, независимо от того, являются ли они просто мнениями или вплетены в их образ жизни. Такое воспитание он получает, прежде всего, если сам заставляет себя так поступать. Это показывает, что частью морального существования и морального отношения к другим людям является серьезное восприятие их идей; и не поступать так, требуя при этом серьезного отношения к своим собственным идеям, подразумевает не просто эгоизм или незаконное требование для себя привилегированного положения, но — аморальность в самом глубоком смысле этого слова, неспособность к уважению человеческой личности. Кроме того, это указывает на обязанность понимать идеи, могущие быть чужими, неприятными и даже злыми, но все же имеющими право требовать нашего внимания, поскольку они также являются глубокими убеждениями людей. Моральный идеал толерантности не требует, чтобы субъект толерантности непременно видел какое-либо достоинство в тех мнениях, с которыми он не согласен; но он должен уважать личность тех, кто имеет эти мнения, и относиться к этим людям как к рациональным моральным субъектам, чьи взгляды можно обсуждать и оспаривать и которые способны к рациональному изменению своих убеждений. Конечно, следствием этого отношения может стать и проверка его собственных идей, лучшее понимание их значения и их следствий; что может, в свою очередь, вести к некоторому их развитию, даже к изменению или отвержению некоторых из них, либо к их укреплению. Это, однако, было бы побочным следствием толерантности, независимым от ее внутреннего морального достоинства.

Рассматривая толерантность с этой позитивной точки зрения и особенно принимая во внимание вторую ее версию, становится ясно, что толерантность есть благо-в-себе. Мы можем быть толерантными не потому, что не способны отвергнуть толерантность, но потому, что считаем ее правильным и желательным отношением. Мы должны сами стремиться к ней, а не быть вынужденными поступать толерантно. Толерантность не есть что-то второсортное (*second best*), некое необходимое зло,

примирение с тем, с чем ради мира и спокойствия мы примиряться вынуждены, но позитивное благо, добродетель, отличающая лучших людей и лучшие общества.

ТОЛЕРАНТНОСТЬ И СВОБОДА

Как я сказал вначале, я не хочу доказывать того, что эти две стороны толерантности являются ее двумя разными, отдельными концепциями, противостоящими друг другу, такими, между которыми можно выбирать. Моя статья вполне могла вызвать такое понимание; поэтому пора объяснить, почему я думаю, что хотя положительная сторона толерантности некоторым образом противоположна отрицательной, они все же взаимно дополняют друг друга, так что моральный идеал толерантности следует понимать как единство этих двух сторон. Я надеюсь показать это, задавшись вопросом о том, сокращает ли толерантность свободу ее субъекта.

На первый взгляд, толерантность влечет за собой утрату свободы. Субъект толерантности, по определению, был свободен привести в действие свое несогласие, но, решив не использовать свою силу, он отказывается от этой свободы. Здесь следует сделать несколько уточнений. В большинстве случаев у него все еще есть возможность отказаться от толерантного поведения и использовать свою силу позднее (ниже мы рассмотрим одно исключение). Субъект толерантности может даже иметь законное право не быть толерантным и потому может находиться в ситуации отказа от своего права или в ситуации вынесения добровольного разрешения, от которого позже он может вновь отказаться. В этом смысле он остается столь же свободен, сколь и прежде. С моральной точки зрения его ситуация выглядит по-другому, но в конечном итоге является той же самой. Поскольку толерантность есть благо, обязанностью человека (по отношению к себе самому, а также и к другим) будет быть толерантным, а потому субъект толерантности не имеет морального права не быть толерантным. Он не свободен отказаться от своей толерантности. Но это означает не то, что он становится менее свободен, просто, с моральной точки зрения, он не свободен изначально; толерантность есть обязанность, и здесь не возникает вопроса о свободе быть или не быть толерантным.

Другое уточнение состоит в том, что когда человек соглашается быть толерантным, он не ограничивает своей свободы. В самом деле, правительство, выпускающее толерантные

законы и постановления, те, кто соглашается с этим правилом и с его действиями, и те, кто принимает справедливость этих законов и постановлений, — все они налагают на себя определенные ограничения в использовании своей силы. Существенным здесь, я полагаю, является то, что моральный идеал толерантности делает рациональным свободное согласие человека быть толерантным. Ему нет необходимости находиться в ситуации покорного «соглашения» на правление завоевателя, как у Гоббса, принимая толерантность из-за своей неспособности найти лучшую альтернативу; он может согласиться на толерантность, поскольку считает ее тем благом, которого он активно желает.

Это ведет нас к последнему уточнению. Человек, который свободно соглашается на толерантность и который понимает то, каким образом она является благом, т. е. тот, кто рассматривает ее с положительной стороны, понимает, что его свобода увеличилась. Более того, он осознает, что она увеличилась вовсе не за счет сокращения некоторой первоначальной свободы, от которой он отказался. Он не обменивает свою «старую» свободу подавлять идеи других на некоторую «новую» свободу проверять свои убеждения перед лицом этих других. Ведь добровольное самоограничение является необходимой частью толерантности и потому конститутивной частью его свободы. Это утверждение может звучать как лицемерие, как некоторая нежелательная неясность или мистификация, поэтому я приведу здесь еще один пример. Делая доклад на каком-нибудь семинаре, человек принимает некоторые правила, ограничивающие его поведение, поскольку соглашается руководствоваться правилами вежливости, правилами относительно того, что считать релевантным, приемлемым или хорошим доказательством, правилом позволять другим говорить, правилом слушать и понимать то, что они говорят, и т.п. Ради обсуждения своего доклада он должен принимать процедурные правила порядка. Очевидно, что они не ограничивают его свободы. Ведь он хочет именно упорядоченной дискуссии, а вовсе не того, чтобы все — и даже не того, чтобы он один, — имели бы возможность сказать то, что хотят и когда они хотят. Это не было бы свободой. Он желает именно упорядоченной дискуссии: ограничения, налагаемые на него и на других ее участников, конститутивны для его свободы. Эта аргументация еще более явно применима к общим вопросам о свободе и праве или

государстве. Здесь очевидно, что идеал «свободы» вне или независимо от права или государства является попросту химерой. Точно так же идея общества без толерантности с моральной точки зрения есть нонсенс.

В то же время я готов признать, что, как это следует из вышесказанного, когда кого-нибудь принуждают быть толерантным, его свобода сокращается. Нельзя «принудить быть свободным», можно лишь заставить допускать свободу других. Можно заставить быть толерантным в негативном смысле, но нельзя принудить к позитивной толерантности, ибо она находится вне власти правительства или любого другого индивида, но только лишь в его собственной власти. С другой стороны, там, где практикуется моральный идеал толерантности, человек, являющийся негативно толерантным не по своей воле, сам будет восприниматься другими с точки зрения положительной толерантности. Эти другие заметят его отход от толерантности и будут стремиться втолковать ему ее достоинства. Если это им удастся, такому человеку будет оказана помощь в освобождении себя.

Поэтому многое зависит от вопроса, думаем ли мы о том, что здесь имеется две концепции толерантности, или нет. Если считать, что существуют именно две такие концепции: одна, созданная на основе негативных оснований, а другая — на основе позитивных, то осознать единство этих двух сторон было бы сложнее. «Негативную концепцию толерантности» понимали бы как толерантность реальную, а «позитивную концепцию» — как что-то совершенно другое, возможно, как отдельную ценность (например, ценность саморазвития), задающую цель (негативной) толерантности и обеспечивающую ее значимость. Всякое подобное сведение толерантности к ее негативной стороне совершенно вытеснило бы моральный идеал толерантности. Если же, с другой стороны, мы готовы принять во внимание мысль о том, что толерантность является единой моральной концепцией со своей позитивной и негативной стороной, то, я думаю, мы могли бы начать осознание толерантности как целого. Мы можем теперь оценить истину такого, по-видимому, парадоксального утверждения, каким является положение о том, что «толерантность есть свобода». Ведь толерантность вносит свой вклад в свободу не только потому, что свободен тот человек, к которому толерантно относятся, но также и пото-

му, что субъект толерантности, вовсе не отказываясь от какой-либо свободы, также получает ее. Когда субъект толерантности свободно и с должным пониманием того, что он делает, соглашается на толерантность, он не ограничивает своей свободы действий, но совершает моральный выбор, который для свободной жизни является конститутивным.

ГРАНИЦЫ ТОЛЕРАНТНОСТИ

Толерантность, как и всякий моральный идеал, имеет свои границы. Ведь любой идеал включает в себя некоторый моральный принцип или положение, являющееся частью его оправдания и исключающее некоторые вещи как не оправдываемые и не защищаемые идеалом, поскольку они находятся вне сферы его действия. Поэтому моральный идеал толерантности вовсе не требует от нас примирения со всем существующим. Напротив, этот идеал устанавливает два основных ограничения. Во-первых, нам следует отвергать то, что противоречит моральному основанию, на котором зиждется идеал толерантности, а именно уважению ко всем людям как полноправным моральным субъектам. Например, мы вовсе не обязаны не предпринимать соответствующих действий, если некто клеветает или оскорбляет другого: здесь имеется нарушение законных прав индивида, а потому подобные случаи не принадлежат к высказываниям и действиям, имеющим отношение к моральному идеалу толерантности — о толерантности здесь вопрос и не возникает. Второе основное ограничение, являющееся частным случаем первого, состоит в том, чтобы отвергать все, противоречащее самому идеалу толерантности. Положение о том, что необходимо толерантно относиться к разрушению толерантности, попросту внутренне противоречиво.

Конечно, очень трудно определить границы толерантности и в точности установить ее пределы. Я полагаю, что толерантность следует проявлять к любому и каждому выражению мнения, включая и те мнения, которые защищают интолерантное поведение. Аргументы в пользу толерантности, которые можно привести как положительные, кажутся мне равно применимыми ко всем мнениям. Существенной практической проблемой здесь является способность отличать выражение мнений, к которому всегда следует относиться толерантно, от действия на основе этих мнений, кото-

рое вовсе не всегда нужно терпеть. Каллиникос (Callinicos) приводит внушающие опасение примеры расизма и фашизма в современной Британии. Возможно, труднее всего определить «точку невозвращения», за которой уже более нет возможности отхода от политики толерантности, поскольку потеряна всякая сила для такого изменения (именно на это исключение мы ссылались выше).

Никакой моральный идеал не содержит в себе решений проблем, связанных с его практическим применением. И все же необходимо признать, что эта проблема весьма велика. Частью серьезного отношения к неприемлемым мнениям является понимание того, что они могут распространиться и, при практической реализации, подорвать значимые ценности и институты. Но такая абстрактная возможность не может служить оправданием интолерантности к выражению мнений. Далее, гарантируя свободу выражения неприемлемого или даже нетолерантного мнения, субъект толерантности защищает и укрепляет свои собственные ценности, показывая, как высоко он ценит толерантность и ту мораль, на которой она основана. И напротив, интолерантность правительства может нанести больший ущерб этой морали, нежели действия любого интолерантного меньшинства.

Нужно также помнить, что толерантность вовсе не означает отсутствия верности своим идеалам или отказа от них. Нам запрещается подавлять идеи, с которыми мы не согласны, но от нас вовсе не требуется, чтобы эти идеи нам нравились или чтобы мы поддерживали их либо им потакали. Толерантность в негативном смысле требует только того, чтобы мы допускали свободное выражение идей, с которыми мы не согласны, а в позитивном смысле — того, чтобы мы принимали моральную ценность такого свободного выражения этих идей. Это устраняет цензуру, но все же оставляет место для порицания неприемлемых идей и для разного рода противостояния им. В самом деле, моральный идеал толерантности предполагает, чтобы мы действовали именно таким образом. Обратимся к современному примеру: при таком подходе к толерантности правительство не должно ставить пределы свободному выражению расистских взглядов (закон 1976 г. о расовых отношениях ставит такие пределы, но в очень незначительной степени). Но это не означает, что правительство должно бездействовать. У правительств имеется множество спо-

собов достичь чего-то вроде той беспристрастной поддержки правильных идей, в необходимости которой Милль убеждал индивида⁵. Правительство может дискриминировать одну идею, оказав дополнительную помощь той противоположной идее, с которой оно согласно, например, посредством политики обратной дискриминации, покровительствуя расовым меньшинствам⁶. Правительство также может предпринять шаги для разубеждения последователей расистских взглядов, предложив им взамен более мудрые и возвышенные убеждения; и действуя таким образом, оно может даже навязать индивиду свои собственные убеждения и мнения. Но правительство не может действовать кроме как убеждением: последнее суждение о мнениях должно быть индивидуальным. К примеру, индивида, придерживающегося расистских взглядов, нельзя отстранять ни от какой работы, поскольку единственным релевантным критерием здесь является его способность эффективно и преданно выполнять свои обязанности. Кромвель верно говорил в этой связи, что «государство при выборе людей, которые служат ему (т.е. обществу), не принимает во внимание их мнений; достаточно и того, что они хотят верно служить ему»⁷.

Далее, можно доказать, что для субъекта толерантности вовсе нет необходимости в обеспечении для терпимых идей той же самой защиты, которую он обеспечивает для тех идей и действий, с которыми он морально согласен. К примеру, Бакунин, еще будучи подлинным либералом, доказывал, что после революции все взрослые должны быть абсолютно свободны, *inter alia*, в высказывании всех мнений и в учреждении ассоциаций, в том числе и в аморальных целях (например, для эксплуатации или развращения простаков либо для поклонения Богу), и даже в целях пропаганды уничтожения индивидуальной или общественной свободы. Бакунин согласен допускать к публичной дискуссии шарлатанов и общественно опасные ассоциации, но на том условии, чтобы общество отказывало в гарантиях гражданских прав тем ассоциациям, чьи

⁵ См.: *Mill J. S. On Liberty. L., 1859.*

⁶ См. аргументы Лорда Скармана (Lord Scarman) в пользу позитивных правовых мер для защиты расовых и других меньшинств и для содействия им: *Morrell J.B. and W.B. Memorial Lecture // Toleration and the Law. York, 1983.*

⁷ Цит. по: *Crick B. Op. cit.*

цели и правила несправедливы. Поэтому общество, защищающее уничтожение толерантности, не будет «юридически признано», так что, например, соглашения с ней не имеют обязательного характера, и она не сможет возбудить судебное дело против своих должников⁸. Интолерантным и несправедливым сообществам не запрещают иметь и защищать свои идеи, но им не дается никакой юридической поддержки, санкции или знака признания. Ко всякому взрослому члену общества относятся как к полноправному субъекту морали. Все свободны защищать и принимать любые мнения: и если кто-то позволяет себя обманывать или эксплуатировать, ответственность за это лежит на нем самом. Напротив, совершенно другие посылки лежат в основании суждений тех, кто хотел бы воспрепятствовать выражению аморальных мнений. Например, стремление к запрещению расистских или сексистских мнений на том основании, что свобода их выражения будет способствовать их распространению и потому содействовать несправедливым институтам, обнаруживает низкое мнение о других членах общества. Предполагается, что некоторые обратятся к этим идеям либо потому, что они предрасположены к несправедливости, либо потому, что они недостаточно бдительны или умны, чтобы понять все следствия принятия таких идей; и в то же время предполагается, что защитник запрета обладает более высоким пониманием того, что является несправедливым, и большим стремлением к сопротивлению несправедливости. Такие посылки очень опасны для приверженца морального идеала толерантности. Он должен относиться к любому человеку как к моральному агенту и допускать для каждой личности возможность практиковать добродетели толерантности — даже если это и включает в себя пространство для порока интолерантности. В то же самое время он должен признавать существование значительных практических трудностей, связанных с этим идеалом, а также то, что иногда частично либо совершенно отсутствуют условия, необходимые для его успешного применения на практике. Некоторые люди могут быть настолько привязаны к своим идеям, что это делает их неспособными к какому-либо надлежащему рассмотрению тех мнений, с которыми они не

⁸ *Bakunin M. Revolutionary catechism (1866) // Bakunin on Anarchy / Ed. S. Dolgoff. Montreal, 1980. P. 79–80, 82.*

согласны, и они не могут относиться к приверженцам этих мнений как к морально равным себе. С другой стороны, в обществе может существовать значительное меньшинство, или даже большинство, полностью приверженное интолерантности и не признающее никакой морали за идеалом толерантности. В таких условиях будет ли с необходимостью неправым правительство, если оно решит, что слишком опасно и безответственно не сокращать и не ограничивать своей толерантности либо не применять ее избирательно? Абсурдно отвергать возможность существования таких условий, и будет слишком претенциозным полагать, что всякое утверждение морального идеала может решить такие политические проблемы. И все же моральный идеал толерантности остается релевантным и значимым, поскольку подчеркивает принципиальные моральные аспекты практических вопросов. Толерантность допускает ограничение, когда это необходимо для защиты тех моральных ценностей, которые ее оправдывают. Моральной целью здесь тем не менее остается снятие этих ограничений и, возможно, более широкое распространение толерантности. Когда правительство не способно практиковать добродетель толерантности в полной мере, оно должно признать свою неудачу, определить ее источники (например, что в обществе имеется слишком много людей, в ответственное поведение которых нельзя верить) и сделать все возможное для исправления ситуации. Моральный идеал толерантности прежде всего предполагает, что любой человек способен быть морально ответственным. Следовательно, он направлен против любого постоянного патернализма, предполагающего принципиальную неспособность к толерантности некоторых членов общества, поскольку это последнее утверждение несовместимо с моралью, содержащейся в позитивном аспекте толерантности.

Перевод с английского Я. Р. Абдуллина, М. Б. Хомякова